

В один прекрасный день на небосводе вспыхнуло второе солнце — золотое.

Кто-то толковал о божественном знамении, кто-то пророчил конец света. Нашлись и те, кто уверял, будто это проекция, запущенная гениальным хакером, или коварные происки зарубежных спецслужб. Словом, Земле предрекали неминуемую гибель.

В первый день людей охватила паника. Во второй — любопытство. К третьему дню золотой шар сделался лишь темой для досужих разговоров.

А спустя время все и вовсе привыкли. Золотая сфера заняла свое место рядом с солнцем и луной, будто сияла там испокон веков. И если бы вы вздумали расспросить кого-то об этом чуде, на вас посмотрели бы как на умалишенного.

Земля круглая. Днем на небе светят два солнца, только одно из них не греет, а лишь вращается в вышине, точь-в-точь как гигантское глазное яблоко. Ночью же восходит луна, хотя порой из темноты вновь выплывает то самое холодное золотое око. Разве может быть иначе? Они ведь всегда там были.

Разумеется, когда подобные вещи твердят абсолютно все вокруг, волей-неволей начнешь сомневаться: то ли весь мир сошел с ума, то ли ты сам.

Цунаёши Савада, ставший теперь Десятым боссом Вонголы, оторвался от документов и бросил взгляд в окно — туда, где висело золотое «солнце». Точнее, огромный зрачок.

Шли годы, а это око все так же неутомимо наблюдало за суетой смертных, напоминая ребенка, замороженного возней муравьев. Вот только обычные дети не умеют перекраивать чужой разум.

Десять лет назад Цунаёши еще не встретил Реборна. Лишенный своей Гиперинтуиции, он оставался частью безликой толпы, свято верящей, будто два солнца на небе — обычное дело.

Но стоило Реборну пробудить его скрытый дар, как морок спал. Цуна осознал всю чудовищность происходящего.

То, что долгие годы казалось незыблемой частью повседневности, на деле появилось совсем недавно. И страшнее всего было то, что никто вокруг этого не замечал.

Поняв, что над миром завис некий исполинский наблюдатель, непрестанно следящий за каждым их шагом, Савада едва не лишился рассудка от первородного ужаса. Лишь тяжелый молот Реборна, опустившийся на его макушку, сумел выдернуть мальчишку из пучины безумия.

Как объяснил потом Реборн, осознание чужеродной реальности ломает человеческую психику.

В итальянской мафии несколько человек уже повредились умом. Они метались по улицам, оглашая воздух дикими криками:

— Солнце! Солнце смотрит на нас! Его глаз следит за нами!

Оказавшись в палатах психиатрических лечебниц, несчастные продолжали бредить глазами и светилом. В них укоренился панический страх перед чужими взглядами и солнечным светом. Стоило лучам коснуться их кожи, как они принимались исступленно скрести себя ногтями, сдирая плоть до костей, но не в силах остановиться. Один из безумцев, увидев собственное отражение в зеркале, решил, что за ним подглядывают, и выколол себе глаза ручкой от зубной щетки.

Поскольку безумие косило исключительно ряды мафии, не затрагивая простых обывателей, шумихи поднимать не стали. В конце концов, в теневом мире вечно творится чертовщина — дело привычное.

Теперь Цунаёши стоял на самой вершине власти, управляя преступным синдикатом Италии. Он знал, что в небе висит вовсе не светило, но все равно то и дело ловил себя на том, что завороченно всматривается в золотой диск.

Проект по убийству Бога завершился несколько лет назад. Снизшедшее на землю воплощение небесного владыки погибло. Цуна не принимал участия в той охоте — тогда он даже не догадывался о существовании столь безумного заговора, пока не узнал, что этого существа больше нет в живых.

Конечно, смерть одного лишь аватара не могла погубить само божество. Золотое око все так же безмолвно насмехалось над человечеством из поднебесья. Рано или поздно Бог мог явить миру новое воплощение. Когда это случится? Через годы, века или тысячелетия — никто не знал.

Да и будет ли новый посланник прежним существом, тоже оставалось загадкой.

Савада вернулся к бумагам. Под бдительным надзором своего домашнего учителя он научился работать на поразительной скорости, умудряясь одновременно витать в облаках, чтобы хоть немного разгрузить мозг.

Камилла.

Это вполне обычное женское имя существу дали дети, с которыми оно когда-то играло. Божественный аватар умел принимать любой облик, так что пола у него, строго говоря, не было. Но поскольку женские или самковые формы он почти не выбирал, все сошлись на том, что Камилла считает себя мужчиной.

Цунаёши впервые встретил это создание, бывшее скорее диким зверем, чем богом, в двенадцать лет. Тогда у него не было ни друзей, ни Реборна, ни дел мафии. Обычный никчемный мальчишка из заштатного городка.

То был сезон фейерверков. Но у Цуны не нашлось компании, к тому же накануне он умудрился расшибить ногу, так что сидел дома. Теперь, оглядываясь назад, Савада понимал: все это было предначертано судьбой.

Он возился на заднем дворе со скромными бенгальскими огнями. Глядя на рассыпающиеся искры, мальчик загадывал лишь одно — чтобы этот крохотный огонек горел подольше. Ему хотелось продлить простое, мимолетное очарование тепла.

Тогда все и случилось. Ночь сгустилась, укрыв мир плотными, почти осязаемыми тенями. Вдруг в кустах зашуршало. Цуна решил, что там прячется бродячая кошка или собака, но из зарослей медленно поднялся абсолютно нагой мужчина.

Мальчик вскрикнул и отпрянул, свалившись на землю. По счастью, бенгальский огонь не погас. Но нагой пришелец — дикий зверь, которого в приличном обществе упекли бы за решетку за эксгибиционизм, — внезапно выхватил искрящуюся палочку из его рук.

Он с любопытством разглядывал диковинку. Его золотые глаза двигались непривычно тяжело, механически, лишённые живой человеческой пластики. А затем он протянул руку.

Затаив дыхание, Цуна наблюдал, как незнакомец сжимает ладонь прямо на снопе искр.

Реальность оказалась далека от мультфильмов, где герои мгновенно исцеляются в следующем кадре. Кожу зверя обожгло. Несмотря на малую силу домашнего фейерверка, пришелец отдернул руку с чисто человеческим испугом.

Однако мгновение спустя он, словно найдя забаву увлекательной, снова уставился на огонь. Рассматривал его так и эдак, а затем совершил поступок, который окончательно поверг Цуну в ступор, — засунул бенгальский огонь в рот и проглотил.

«Что за чертовщина?!»

Цунаёши всерьёз подумал, не сбежал ли этот сумасшедший из ближайшей лечебницы.

Впрочем, безумцем пришелец не выглядел — по крайней мере, в привычном смысле. Длинные, растрепанные пепельные волосы, ни нитки одежды, но ни капли истощения. Не перекачанный силач, а поджарый, стремительный хищник, похожий на изготовившегося к прыжку гепарда. Его золотые глаза горели в полумраке дикой, первобытной красотой.

Вдруг Цуна заметил у его ног мертвую курицу с перекушенным горлом. Птица истекала

кровью, а ее остекленевшие глаза тупо уставились на мальчика. Выглядело это жутко.

Все происходящее казалось дурным сном или чужим фильмом. В минуту опасности люди либо бьют, либо бегут. Двенадцатилетний Цуна всегда выбирал второе.

Он вскочил и бросился прочь.

К счастью, дикарь не стал его преследовать.

Второй раз они встретились лишь месяц спустя.

По соседству угасала одинокая старушка. Ее дети вечно пропадали на работе, и Нана Савада из чистого милосердия навещала ее вместе с сыном: помогала прибираться, варила жидкий бульон и просто разговаривала с умирающей.

Старушка почти не говорила. Ее мутные глаза блуждали по комнате, словно отыскивая кого-то. Сначала Савады думали, что она ждет детей, и пытались с ними связаться. Но из бессвязного лепета больной со временем прояснилось: она ждет кого-то другого.

Кого именно? Старуха забывалась тяжелым сном и больше ничего не могла объяснить.

В тот день Нана спешила на распродажу и отправила сына одного, наказав проверить, не нужна ли хозяйке помощь.

Цунаёши не был святым. Он сочувствовал соседке, но в душе зрело глухое сопротивление.

Вместо того чтобы отдыхать после школы, ему приходилось возиться со слабой, иссохшей старухой, от которой пахло скорой кончиной.

Помимо досады, им владел чистый, липкий страх.

Дыхание смерти витало в той комнате. Казалось, жнец уже занес косу над постелью, готовый опустить ее в любую секунду. Находясь рядом с ней, Цуна едва ли не каждую минуту проверял, дышит ли она еще.

Близость чужого конца пугала неокрепший детский разум.

Цунаёши вел мысленный отсчет дней, страшась развязки и одновременно желая, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

Когда рядом была неунывающая Нана, справляться с этим было легче, но идти туда в одиночку

мальчику очень не хотелось.

Ему безумно хотелось сбежать домой и соврать, будто он завалил уроки и напрочь позабыл о поручении — пусть и глупая отговорка, но все же. Однако в памяти всплывали редкие минуты, когда старушка была еще здорова и ласково говорила с ним. Представив ее тусклый взор, устремленный в потолок, Цуна переборол страх и направился к ее дому.

Проходя мимо окна, он вдруг заметил внутри неясную тень.

Сердце ушло в пятки. Мальчик прижался к стене и осторожно заглянул в комнату.

Там был тот самый дикарь. Он навис над постелью умирающей, точь-в-точь как гепард над добычей. Но на лице женщины не было страха. Напротив, она казалась более живой, чем когда-либо за последние недели.

Она лежала без сил, но попыталась приподнять голову. По щекам катились слезы.

— О, Боже мой... — прошептала она слабым, похожим на писк котенка голосом. — Ты все-таки пришел... Ты вернулся...

Она прерывисто вздохнула, глядя в золотые глаза существа.

— Ты все такой же прекрасный.

В последнее время она почти не принимала пищу и едва дышала. То, что сейчас она обрела голос, казалось настоящим чудом.

В глазах старухи вспыхнул такой яркий свет, что она мгновенно преобразилась, помолодев душой. Перед Цундой словно предстала юная, восторженная девушка, охваченная чистым счастьем.

— Благослови меня... Помолись за меня, прошу! Я возвращаюсь... туда, в степи... к природе!

Зверь склонился к ней, словно вдыхая аромат угасающей жизни. Он молчал, лишь губы его тронула легкая улыбка. А затем раздался его голос — хриплый, неестественный, будто он через силу подражал человеческой речи.

— Я благословляю тебя. Иди. Возвращайся в свой истинный дом.

Женщина удовлетворенно закрыла глаза. Ее дыхание оборвалось.

Цунаёши застыл в оцепенении. Когда до него дошел смысл случившегося, он попятился, но по закону жанра наступил на сухой лист. Раздался громкий хруст.

Существо повернуло голову. Их взгляды встретились.

Но золотые глаза скользнули по нему равнодушно, словно по пылинке, не заслуживающей внимания. В следующий миг пришелец бесшумно растаял в воздухе.

Позже, когда сын покойной приехал разбирать вещи, Цунаёши случайно оказался рядом. Мужчина выбрасывал хлам в бак для горючих отходов. На самом верху стопки бумаг лежал рисунок. набросок был грубым, неумелым, но сквозь неровные штрихи отчетливо угадывался силуэт существа с пепельными волосами и золотыми глазами.

Рядом вилась выцветшая, но бережно выведенная девичьим почерком надпись: «Моему Господу Богу».

<http://bllate.org/book/18335/1760514>